

Дело в том, что его учитель Симеон Полоцкий считал монашество непременным условием литературной деятельности:

... Не будет мощно с книгами сидети, —
удалит от них жена, удалят и дети.
Ей, неудобно книги довольно читати
и хотение жены в доме исполняти.

Для него бессемейное одиночество (известно, что друзья отговорили от женитьбы и Кариона Истомина) было если не определяющим, то все же важным свойством писателя-профессионала. Это был один из непременных ингредиентов писательского типа — типа человека, которому не нужно думать о насущном хлебе, который может без оглядки отдаться просветительской деятельности.

Поэтому Сильвестр Медведев внял совету учителя и 14 марта 1672 г. прибыл в Молченскую Путивльскую пустынь, где спустя два года постригся, став из Сеньки Сильвестром (после победы Нарышкиных ему, пытанному на дыбе, битому кнутом и расстриженному, пришлось пережить обратную метаморфозу). Вообще у профессионалов конца века заметно некоторое стремление к «духовной тишине». Андрей Белобочкий по приезде приобрел покровительство П. М. Апраксина, брата царицы Марфы Матвеевны (жена, а с 1682 г. вдова царя Федора), который в 1686 г. стал стольником Петра, потом окольным, боярином, с 1715 г. графом, сенатором и президентом Юстиц-коллегии. Но донос Медведева—Негребецкого, неудачный публичный диспут с Лихудами, очевидно, убедили Белобочкого, что Москва — мало подходящее для него место. Женившись на дочери попа Предтеченской церкви под Новодевичьим монастырем, он оставил честолюбивые замыслы. Будучи причислен 12 января 1686 г. к посольству Ф. А. Головина в Китай, он хотел уклониться от поездки и несколько дней — в то время как дома у него устроили «мышеловку» — прятался у тещи, вдовой попадья Екатерины. Уже 16 января, правда, он явился в Посольский приказ. Тяготившийся двусмысленным положением Стефан Яворский упорно подумывал о схиме, так что глава Монастырского приказа И. А. Мусин-Пушкин, племянник покойного Иоакима, в 1710 г. посылал к нему нарочного отговорить от этого намерения, а всему клиру прямо запретил постригать Стефана, который два года спустя снова просил у Петра позволения схимиться. Покой, необходимый для литературных занятий, больше всего ценил и автор «Миней Четьих».

Я уверен, что эти стремления были вполне искренними. Добровольная близость ко двору не дает повода в них усомниться. Сама научно-литературная программа профессионалов порождала неразрешимое противоречие между стремлением удалиться от мирской суеты и борьбой за «свободу рук» при дворе. Для Симеона и его последователей Московское государство было страной, где «в простоте богу угождают», не зная и поэтому не ценя «грамматических и риторических хитростей». В смысле культуры Россия представлялась им глухой провинцией. К сожалению, им не дано было понять, что с европоцентристских позиций их собственное просветительство было тоже провинциальным — украинно-польская барочная эстетика, «новая» наука, сосредоточившаяся на исторических анекдотах, богословие — ортодоксальным, хотя и с наносными латинскими элементами и забвением некоторых православных этических достижений. С другой стороны, их бы поразила сегодняшняя высокая оценка прозы Аввакума, «Горя-Злочастия» и демократической сатиры: эти самые выдающиеся памятники XVII в. стояли для них за рамками литературы.